

сением, на самом же деле «за устерсами <...> к лавочнику Корзинкину». Курьер Н. Н., исправно привозящий «устерсы», также по «Табели о рангах» получает повышение в чине.

Эти рассказы об Ассессоре и о курьере Н. Н. являются художественным комментарием к размышлениям Радищева о новых формах использования петровской «Табели о рангах» в условиях изменившейся исторической действительности второй половины XVIII в.

Новейший исследователь становления русского абсолютизма С. М. Троицкий отмечает эволюцию «Табели о рангах» в 20—60-х гг. XVIII в. Исследователь пишет, что уже при первых преобразованиях Петра I в «Табель о рангах» были внесены некоторые изменения. Особенно серьезные поправки характеризуют период «после издания Манифеста о вольности дворянства 1762 г. до конца 60-х годов XVIII в., когда правительство Екатерины II издало ряд законов, направленных на дальнейшую бюрократизацию аппарата управления».⁸ В реализации Манифеста 1762 г., как указывает С. М. Троицкий, «сыграла роль придворная группировка братьев М. И. и Р. И. Воронцовых, отстаивавших политику дворянских привилегий, в частности освобождение дворян от обязательной государственной службы».

В 70-х гг. XVIII в. Екатерина II ввела в «Табель о рангах» новые чины; были увеличены должности канцелярского штата, что «отражало растущую бюрократизацию государственного аппарата».⁹ Было произведено наделение обер-офицерами рангами художников и архитекторов — профессоров Академии художеств, включены в «Табель о рангах» низшие придворные должности. Мы помним, что это обстоятельство вызвало резко сатирические вопросы Д. И. Фонвизина к журналу «Собеседник любителей российского слова». Четырнадцатый вопрос «из могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание» был сформулирован так: «Отчего, — спрашивал Фонвизин, — в прежние времена шуты, шпыны и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?».

Это был очевидный намек на многочисленных «ласкателей» и фаворитов императрицы. Екатерина II резко ответила через журнал: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели».¹⁰

Таким образом, протест Радищева направлен не непосредственно против «Табели о рангах», а против награждения дворянством, и, следовательно, правом владения крестьянами, необразованных выходцев из низших сословий, возвысившихся не заслугами перед отечеством (как было в петровское время),

⁸ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974, с. 119—143.

⁹ Там же, с. 150—151.

¹⁰ См.: Русская литература XVIII века. Сост. Г. П. Макогоненко. Л., 1970, с. 349.